

Талан-доля Александра Коршунова

Моск. правда - 2002 - 15 янв. - с. 8-14

Без малого тридцать лет назад в апреле 1973 года на сцене филарлы Малого театра состоялась премьера пьесы А. Н. Островского «Пучина». Ее постановщиком был известный режиссер Петр Павлович Васильев, много ставивший в Москве и в театрах крупнейших городов России, а оформлял спектакль Александр Павлович Васильев, брат постановщика, тоже известный, широко востребованный театральный художник. Актерский состав был звездный: Ю. Соломин (Кисельников), Е. Гоголева (мать Кисельникова), И. Любэзов (купец Боровцов), Н. Подгорный (Неизвестный), В. Сафронов (Погуляев) и т. д. Каждая роль здесь была истинным бриллиантом, а в целом спектакль являл собой блестящий актерский ансамбль, в котором никто не позволял себе премьерствовать, каждый работал на партнера и все вместе на общий успех.

«Пучина» - произведение сложное, в его атмосфере ошутими и мотивы Достоевского, и грядущие флюиды Чехова. Не случайно, наверное, пьеса ставилась ранее в Малом театре всего три раза - в 1866, 1892 и 1973 гг. И вот четвертое обращение к «Пучине» - конец 2001 года. И тоже, как в 1973 году, на сцене филарлы:

Александр Коршунов / актер милостью Божьей - за режиссера берется редко. Реже, чем можно бы было на пользу театру и ему самому на славу. Впрочем, понятие «слава» с натурой А. Коршунова вещи несовместимые. В жизни своей не встречала человека более скромного, чужающегося всякой публичности. Мне кажется, что и пьесы для постановки он специально выбирает не броские, сулящие скорый успех, а редко идущие, без громкой сценической судьбы, заведомо не обещающие особого зрительского ажиотажа. Зато делает из них шедевры такой жизненной силы, такой неподдельной правды, что у сидящего в зале дыхания перехватывает. И почти всегда сам играет в них главные роли. Но, как я понимаю, не потому, чтобы покрасоваться в героях, а чтобы сразу задать остальным исполителям верный тон, настрой, как бы повести в нужном русле за собой весь спектакль. Повести, оставаясь внутри действия, ничем и никак не выделяясь из ансамбля. Редкая способность, дарованная немногим.

В постановке 1973 г. огромную роль играли многократно увеличенные фотографии старой Москвы, составлявшие задники сцены. От них рождалась атмосфера подлинности происходящего - торжище Сухаревки, театральный развезд по окончании спектакля... Определенный образ сегоднешней постановки - сверкающая огнями, кружащаяся карусель (сценография и костюмы Ольги Коршуновой), (на которой кружится и сам же ее крутит Кирилла Кисельников (А. Коршунов), веселый, беззаботный, в щегольском костюме, полный радужных надежд. Карусель Кириллиной жизни, про-

могут цинично, жестоко, беспощадно по миру пустить близкого человека, все могут во имя денег. Сцена выманивания Боровцовым подписи Кисельникова на отказе от долга - одна из лучших в спектакле. Виртуозно играет здесь В. Баринов. Его герой прикидывается такой казанской сиротой, что, кажется, камень разжалобить может. Уж он и плачет, и молит, и кланится, и божится, на коленях ползает. Как тут мягкотелому, затурканному Кисельникову не дать слабину. А чуть подпись поставлена, и встал во весь рост тестя перед зятем, расправил плечи, выпятил грудь, да еще изыматься начал над Киришей, что тот на

в ее вызывающем, бурном, злом, отчаянном, как крик души, танце перед гостями на именинах, завершающем финал первого акта.

Есть в этой пьесе один образ, словно бы не из реальности, а из потустороннего мира - Неизвестный. Человек без имени, соблазнительный чужестранец Кисельникова на подлугу как будто под гипнозом. От этого образа и на всю пьесу легла тень некоей загадочности, инфернальности. В спектакле 1973 года Неизвестного играл Никита Подгорный, талантливейший, замечательный артист. Высокий, худой, бледный, в черном цилиндре и крылатке, поигрывая щегольской тростью, он появлялся в каморке Кисельникова и впрямь как Мефистофель - искусный ловец человеческих душ.

Неизвестный В. Бочкарева вполне земной, живой, осязаемый. Его внешность не внушает трепета, зато он мастер играть на самых больных струнах человеческой души. Он вполне располагался за рабочим столом хозяина дома, зная, что не уйдет, пока не добьется своего. Твердо, упорно он подчиняет своей воле Кисельникова. А достигнув цели, не без приятности улыбаясь, ехидно сообщает растерянному, раздавленному случившимся Кирише, какая кара ждет за содеянный подлог. Он доволен, он весел, за ничтожную сумму он обрел целое состояние. И уходит с сознанием отлично состоявшейся сделки. Вполне современный тип, более страшный, пожалуй, чем Мефистофель, потому что абсолютно достоверен и реален.

Сначала предательство теста, потом обольщение Неизвестным - вот с чего начинается помутнение рассудка бедняги Кисельникова. Но и в затмение ума Кирилла Филипповича А. Коршунова не теряет своей святой простоты, почти детской непосредственности, горюбиной кротости. От прежнего франта, веселого недоучившегося студента не осталось и следа: с трудом вспоминает прошлое, не сразу узнает даже бывшего друга Погуляева, зато прекрасно понимает, что, опустившемуся на самое дно жизни, ему оттуда уже нет обратного хода, и вполне сознательно отказывается от помощи друга, он с какой-то отчаянной страстностью, воздев руку и небу, как заклинание, как молитву к Богу, восклицает с глазами, полными слез: «Талан-доля, иди за мной!»

Попел ли талан-доля за Киришу Кисельникова, А. Н. Островский нам не поведал. Но за Александром Коршуновым, актером и режиссером, он следует неизменно. Счастливого ему пути.

Наталья БАЛАНОВА.

На снимке: Кисельников - А. Коршунов, Неизвестный - В. Бочкарев.

Фото Людмилы НЕЛИНОВОЙ

должна бешено вращаться, станет по ходу действия постепенно меркнуть, а ее веселые огоньки будут все больше отдаляться по мере обнищания семьи Кисельниковых. Праздник жизни останется в финале за стенами убогого жилища тронувшегося умом Кирилла Филипповича, но где-то вдали карусельные огни еще будут посверкивать, маня молодых, удачливых, способных не сорваться с летящего круга.

В густонаселенном спектакле - ни одной проходной роли, а уж о главных персонажах и говорить не приходится - один другого лучше. Каким вальсующим господином весь в белом выступает - даром, что купец - Пул Кузьмич Боровцов В. Баринова, И супруга его Дарья Ивановна (А. Охлунина) уж такая модная - на подумашь, что купчиха. Только, когда дело-то до капитуляции дойдет, всю вальсность как ветром сдует и выплет наружу христородажная торгашеская душонка. Могут, к примеру, почтенные господа промеж себя поболтать учинить - замечательно поставлена сцена драки гостей в доме у Кисельниковых с истощенным визажем Дарьи Ивановны и выплескиванием воды из таза на дерущихся мухарию Аксинью (Е. Базарова);

его иудины слезы купились. И уходит бариновский Боровцов победителем, оставляя зятя у последней черты нищеты и отчаяния. Когда же сам наконец разорится, придет к Кирише как ни в чем не бывало, станет над убогим подшучивать, дружелюбно по плечу похлопывать. Не человек - хамелеон.

В своих спектаклях А. Коршунов каждому персонажу всегда находит наиболее выигрышный момент, чтобы показать его как бы крупным планом. Для чиновника Перезеркова (Н. Верещенко) и военного в отставке Турнтаева (А. Вахтеров) это уже упрямая сцена ссоры на именинах у Кисельниковых. Для бедняжки Лизаньки (Т. Скиба) и бывшего друга Кисельникова Погуляева (Е. Баринова-младший) - их объяснение в финале, когда словно в смут кидается замуж за Антона Антоновича Лиза, не представляя, что ждет ее впереди, а Погуляев своим благородным жестом перечеркивает привычную, устоявшуюся жизнь. Органична, трогательна в своей вечной материнской заботе о сыне-неудачнике Анна Устиновна Кисельникова (О. Чуваева), Прекрасно выразил восторг, нетерпимый характер Глафиры, жены Кисельникова (О. Шахова),